

ТЕМА: ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

1. Понятие культурной самобытности.
2. Понятие культурного региона.
3. Методологические основания региональной классификации мировой культуры.
4. Культурные регионы и их границы.

Литература

Культуральная антропология: Учебное пособие / Под ред. Ю. Н. Емельянова, Н. Г. Скворцова. СПб., 1996.

Теория культуры. Под редакцией С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. Учебное пособие. Издательство: Питер, 2008 г.; 592 с.

Разнообразие культур, ушедших в историческое прошлое и существующих ныне, предстает взгляду исследователя как безбрежный океан археологических артефактов, мертвых и живых языков, памятников архитектуры и изобразительного искусства, эпиграфики, словесности (устной и письменной), религиозных и мыслительных традиций, календарей и хронологий, музыкальных форм, театрального искусства, мозаики социокультурных феноменов повседневности и многих иных аспектов этнического и национального культуротворчества.

Сравнительное изучение этнических культурных традиций отчетливо демонстрирует различия между ними, особенно рельефно наблюдаемые на уровне социокультурных практик. Разные народы придерживаются неодинаковых правил застольного этикета, по-разному одеваются, обустраивают жилище, празднуют бракосочетание, воспитывают и обучают детей, провожают умерших в последний путь. Культурные различия в жизнедеятельности этносов многочисленны и очевидны. Так, во время трапезы у народов Южной Азии принято брать пищу непосредственно руками (причем только правой рукой), на Дальнем Востоке пользуются палочками, в Европе – столовыми приборами. Проводя погребальный ритуал, одни этносы кладут тело покойного в гроб и закапывают в землю, другие кремируют на костре, третьи подвешивают погребальный гамак в ветвях деревьев, четвертые относят своих умерших на специальные территории, предназначая их в пищу птицам и диким животным.

Однако ни один из народов, населяющих нашу планету, не обходится без правил застольного этикета, без похоронных ритуалов и принятых способов выражения скорби, без обрядового оформления бракосочетания, без норм межпоколенного общения и иных нормативных социокультурных практик, обусловленных единством человеческой природы и мышления.

И действительно, правила и способы приема пищи в разных культурах различаются, но человеческие существа не способны обходиться вовсе без пищи и питаются именно как люди, т. е. члены социальной общности,

обладающей определенной культурной традицией. Аналогично и с воспитанием подрастающего поколения: носители любой культуры воспитывают своих детей, научая их нормам, мужским либо женским образцам поведения, правилам межпоколенного общения и всему тому, что принято в культуре данного народа, ибо в противном случае под угрозой оказалось бы выживание.

Иными словами, в жизнедеятельности разных народов прослеживаются культурные формы, отмеченные единообразием своих черт. Это единообразие обусловлено наличием универсальных алгоритмов социокультурного мышления, обеспечивающих выживание и воспроизведение этносов. Наличие любого универсального алгоритма объясняется необходимостью решения задач по удовлетворению базовых потребностей людей как членов социальной общности.

Постановка задачи – это поиск ответа на вопрос, что нужно сделать, чтобы обеспечить достижение результата, а найденный алгоритм социокультурного мышления определяет собой последовательность действий. Например, тело умершего необходимо похоронить, так как разлагающемуся трупу не место на территории, где протекает жизнь членов социальной общности. Универсальный алгоритм социокультурного мышления реализуется в ритуальных действиях, связанных с погребением и выражением скорби по усопшему. При этом культурные различия между этносами проявляются в конкретном воплощении универсального алгоритма, т. е. в принятых правилах и способах погребения, в образцах поведения скорбящих (плач, формулы причитания или же молчание, сдержанность и т. д.), в оформлении траура и пр.

Культурные формы, обусловленные универсальными алгоритмами социокультурного мышления, характеризуют общее, свойственное всем культурам. Поэтому они были определены теоретическим понятием «универсалии культуры», или «кросскультурные универсалии». Различия в конкретном воплощении той или иной универсалии культуры указывают на особенное, т. е. на специфику этнических или национальных культурных традиций.

Причины возникновения и социальные функции подобных универсалий культуры достаточно глубоко изучены антропологами, этнографами и этнологами. Но гораздо менее известен генезис кросскультурных универсалий, обнаруживающихся при сравнительном исследовании мифологий народов мира, храмов и иных культовых сооружений, созданных в весьма отдаленных друг от друга регионах мира и посвященных различным религиям, и прочих высоко символических произведений культур, никогда не соприкасавшихся между собой.

Почему мировая ось на многих мифологических картинах мира представлена образом древа или горы? Чем объясняется сходство в целом ряде африканских и южноамериканских мифологических сюжетов? Отчего так похожи древние пирамиды на территориях Египта и Мексики? В силу каких причин ослепительная белизна гималайских снегов и стен

Евлохиевского собора Московского кремля в равной степени символизируют высшую духовную чистоту, хотя культуры Индии и России столь же мало походят одна на другую, как индуизм и православие? Ответы на эти и многие другие подобные вопросы еще не найдены.

Обнаружение таких феноменов сходства заставляло ученых задуматься, в каком случае следует говорить о заимствованиях культурных форм, а в каком – об универсалиях культуры? В настоящее время согласованная позиция исследователей состоит в том, что единообразие, характерное для многих (или только отдельных) культурных форм в пределах того или иного региона, проистекает, как правило, из долгосрочных контактов двух или нескольких этнических общностей, населяющих его.

Если же такое единообразие наблюдается в культуротворчестве народов, никогда не вступавших в контакт друг с другом, то попытки объяснить его социокультурными заимствованиями окажутся заведомо бесплодными. В таких случаях необходимо констатировать наличие универсалий культуры, хотя проблема их происхождения до сих пор не решена.

Задача выявления кросскультурных универсалий тесно связана с вопросом о соотношении общечеловеческого, этнонационального и регионального в культуре. Этот вопрос решается в науке с позиций **двух теоретических подходов – аксиологического и антропологического. Первый** из них сложился в эпоху Просвещения и базируется на теоретическом представлении о мировой культуре как целостности, находящейся в процессе исторического развития.

Второй – антропологический – сформировался на основе сравнительного изучения социокультурного разнообразия человеческой деятельности. Этот подход направлен на построение таких универсальных моделей культуры, которые состоят из элементов, свойственных всем человеческим общностям.

Согласно аксиологическому подходу, в каждой из этнических и национальных культур создаются ценности, имеющие общечеловеческое значение. Этот неоспоримый факт становится очевидным в диалоге культур, когда достижения одного этноса или нации, становясь известными другим, позитивно принимаются большими социальными общностями и начинают играть значительную роль в их социокультурном развитии.

Общечеловеческая составляющая присутствует в научных открытиях, изобретениях, произведениях художественной культуры и литературы, в выдающихся по своей эстетической ценности архитектурных памятниках. Так, изобретение радио и телевидения несомненно имеет общечеловеческое значение в развитии научно–технического прогресса и международного культурного обмена. А такие великие произведения русской национальной культуры, как романы «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, ставшие известными далеко за пределами России, позволили миллионам людей во многих странах

мира по–новому задать себе вопросы о смысле человеческой жизни, о нравственных ценностях – религиозных и светских, о совести и свободе воли.

Не меньший общечеловеческий вклад принадлежит и культурам, являющимся аналогами первобытности. В настоящее время, когда человечество осознало опасность бездумного покорения природы, ученые во всем мире по–новому оценили *экофильность* (неразрушительное отношение к окружающей среде), свойственную хозяйственной деятельности и образу жизни американских индейцев, народов Крайнего Севера (Приамурья, Восточной Сибири, Сахалина), аборигенов Австралии и других бесписьменных этносов.

В экофильных культурах «примитивных» народов были выработаны такие технологии ведения хозяйства и социокультурные образцы (паттерны) потребления, которые позволяют человеку жить в ладу с природой. Так, для обработки шкур животных в экофильных культурах применяются натуральные вещества, не отравляющие окружающую среду, при изготовлении одежды и строительстве жилищ природное сырье используется практически без отходов.

Любой этнос, принадлежащий к экофильному типу культуры (оседлой или кочевой), относится к территории своего расселения как к сакральной «земле предков», обеспечивающей выживание. Людям не приходит в голову вырубать и выставлять на продажу родные леса, планомерно истреблять пушных зверей или крокодилов ради наживы, осушать болота или распахивать тундру, ибо действия, разрушающие среду обитания, приведут к гибели этноса. Сакрализация природы в культурах, являющихся аналогами первобытности, порождает эко–фильные алгоритмы социокультурного мышления.

Разумеется, общечеловеческое значение экофильных культур состоит не в том, чтобы предложить миру неолитический идеал в качестве «светлого» экологического будущего, а в их трансформирующем влиянии на ментальность «цивилизованных» народов. Знакомство с экофильным способом существования позволяет экономически развитым нациям иначе взглянуть на собственную культуру – увидеть свойственные ей *экоцидные* (убивающие природу) черты. Благодаря этому новому взгляду формируется и укрепляется экологическое сознание – понимание неприемлемости разрушения природы как невозполнимого ресурса выживания.

Повсеместно в мире среди обычных людей, и прежде всего молодежи, наметилась тенденция критического отношения к бездумному потреблению природных благ и загрязнению окружающей среды. Ученые–экологи в союзе с культурологами и социологами культуры разрабатывают и пропагандируют экофильные социокультурные модели жизнедеятельности, сочетающие в себе достижения научно–технического прогресса и развивающегося экологического сознания. Очень важным направлением экофильного социокультурного моделирования выступает проблема утилизации отходов.

Однако невозможно умолчать и о том, что сами экофильные культуры проиграли в историческом диалоге с развитыми цивилизациями. Недаром

свою книгу о южноамериканских индейцах великий французский антрополог К. Леви–Стросс назвал «Печальные тропики»: культуры, аналогичные первобытным, не выдерживают того неуклонного давления, которое современная экономика оказывает на природную среду. Вырубаются леса Амазонии и Золотая тайга, в тундре и акватории Тихого океана близ Сахалина разрабатываются нефтяные месторождения. «Земли предков» сжимаются и сжимаются, подобно шагреновой коже. Разрушающая природу хозяйственно–экономическая деятельность ставит под угрозу существование экофильных культур.

И все же для их спасения предпринимаются определенные шаги: резервируются заповедные территории, создаются этнографические поселения, т. е. своеобразные социокультурные музеи. Посещая такие места, туристы со всего мира могут на время погрузиться в атмосферу законсервированной экофильной этнокультурной традиции, поразмыслить о жизни в гармонии с природой.

Некоторые антропологи и социологи культуры критически относятся к этническим резервациям и этнографическим поселениям, усматривая в них «инсценированную подлинность» – своеобразный социокультурный «антиквариат», выставленный на всеобщее обозрение. В определенной степени такая критика справедлива, но вместе с тем верно и другое: там, где государство не вкладывает средства в создание этнографических поселений, экофильные культуры прекращают свое существование и уходят в забвение.

В последние десятилетия стал очевидным и еще один аспект общечеловеческого вклада культур, являющихся аналогами первобытности, – экопсихологическая компетентность, обеспечивающая выживание в условиях дикой природы. Дело в том, что вненаучные знания, которыми располагают и на которые опираются носители «примитивных» культур, не исчерпываются суммой практических сведений об окружающем мире. Мифологическая картина мира, свойственная таким культурам, включает в себя совокупность представлений о том, каким следует быть человеку в тех либо иных ситуациях, как должно «возделывать» свою психику, чтобы быть, например, удачливым в охоте или победить болезнь, не имея целебных снадобий, без жгута остановить кровотечение или одним возгласом отогнать стаю голодных хищников.

Подобное искусство управления психикой и телом, получившее известность благодаря этнологическим исследованиям, вызывает все больший интерес у жителей современных мегаполисов, где человеческие потребности обеспечиваются объемным научно–техническим ресурсом. Жилищные удобства, компьютеры, мобильная телефонная связь, автотранспорт, авиалинии, широкий ассортимент лекарств и медицинских услуг – все это и многое другое, казалось бы, стопроцентно гарантирует выживание. Но если внезапно отключается электричество или оказываются в дефиците другие энергоносители, может начаться хаос, ставящий под угрозу жизни людей. Именно поэтому людям особенно важны навыки выживания, известные материально бедным «примитивным» культурам.

Чем отчетливее современный горожанин осознает зависимость собственного выживания от технологического жизнеобеспечения, тем острее он ощущает собственную слабость и тем более важным и общезначимым представляется ему экопсихологический опыт культур, тысячелетиями обходившихся без чудес науки и техники. Об этом свидетельствуют такие явления, как растущая популярность книг, посвященных ученичеству у шаманов и колдунов (например, серия книг К. Кастанеды о мексиканском индейце – знатоке народной магии доне Хуане) и одиночным экспедициям исследователей бесписьменных культур.

Резюмируя сказанное, необходимо отметить, что аксиологический подход к выявлению соотношения общечеловеческого, национального и этнического в культуре тесно связан с проблемой взаимопознания народов, и именно в этой проблеме кроется слабость данного подхода. Насколько и для кого может сделаться очевидной общечеловеческая ценность музыки Моцарта, Бетховена, Чайковского, романов Бальзака и Р. Музиля, живописных полотен и офортов Гойи? Как понять людям, воспитанным в традиционной исламской культуре, общечеловеческую значимость византийской иконописи или буддийских культовых статуй Индии? Какие мысли о великих достижениях человеческого гения возникнут у обитателя лесов Амазонии при виде раритетного экземпляра первопечатной книги или новейшего образца компьютерной техники?

Пытаясь ответить на подобные вопросы, мы приходим к парадоксальному выводу: общечеловеческое в культуре может быть доступно только универсально образованным и просвещенным личностям, наделенным умением извлекать общечеловеческое из национального и этнического культурного достояния.

Разумеется, в определенной степени такой вывод верен, и именно культурологи и историки культуры являются теми, кто по роду своей профессиональной деятельности исследует и популяризирует достижения и ценности различных культур и способствует их освоению в процессе расширяющихся международных коммуникаций – внешних и внутренних культурных контактов. В этом и состоит просветительская роль культурологов как компетентных посредников в диалоге культур.

С точки зрения иного – антропологического – подхода вопрос о соотношении общечеловеческого, национального и этнического в культуре должен решаться путем разработки универсальной модели, выявляющей общее и особенное в организации человеческой деятельности. Исследователи, приступившие к ее конструированию в 30–40-е гг. XX в., – Г. П. Мердок, Б. Малиновский, К. Уисслер и другие – выбирали элементы, свойственные всем известным культурам: система родства, организация общества, совместный труд и разделение труда, возрастное деление, календарь, образование, этикет, религиозные культы, жилищное строительство, декоративное искусство, запрет на инцест и т. д.

Список таких элементов у разных исследователей совпадал не полностью, но принцип его составления оставался единым. При дальнейшем

анализе каждого элемента в отдельности общечеловеческое в культурах выявлялось все более отчетливо. Так, похоронные обряды во всех культурах связаны с выражением скорби, со специальными способами обращения с телом покойного, с особыми ритуальными действиями, защищающими участников церемонии от злых сил и закрывающими «ворота смерти».

Поиски такой совершенной модели, в которой общечеловеческое прочерчивалось бы наиболее отчетливо, натолкнули исследователей на необходимость отказаться от поэлементного сопоставления культур и перейти к их системному сравнению. Эта новая концептуальная постановка проблемы привела американских антропологов Д. Аберле, А. Козна, А. Дэвиса к разработке универсальной социокультурной схемы. Ученые исходили из представления о культуре как системе, схематично обозначенной девятью векторами:

- ♥ адаптация общества к природе и воспроизводство населения;
- ♥ разделение и распределение социальных ролей;
- ♥ коммуникация;
- ♥ ориентиры познания;
- ♥ общепринятые цели;
- ♥ нормативное регулирование;
- ♥ регулирование эмоций;
- ♥ социализация;
- ♥ контроль за девиантными формами поведения.

Указанные позиции рассматривались как функциональные уровни, характеризующие общечеловеческую универсальность любой культуры и обеспечивающие ее выживание как системы. При изучении отдельно взятых этнических и национальных культур каждая из этих девяти позиций наполняется конкретным содержанием, позволяющим отчетливо выявить общее и особенное в культуротворчестве народов.